

Юлия Лавряшина

Кот знает всё

История
С КОШКОЙ

Юлия Александровна Лавряшина
Кот знает всё
Серия «История с кошкой»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31210822
Кот знает всё / Юлия Лавряшина: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-102799-5

Аннотация

Сбылась мечта – сестры Косаревы покупают дом! Точнее, его половину. Впуская в новое жильё любимого кота Огарка, женщины надеются на безоблачную счастливую жизнь. Но все идет наперекосяк, когда ночью в дом врывается девушка, пытающаяся ограбить, а потом кажется, что кто-то наблюдает за ними из-за стены. Что творится на другой стороне дома – не знает никто... кроме кота. Кот, конечно, знает всё.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	52
Глава 6	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Юлия Лавряшина

Кот знает всё

Пролог

Эти женщины смеялись так громко...

Кажется, их забавляло все на свете! Сейчас, когда они перебрались в большой дом, смех не так докучал ему, как в двухкомнатной квартирке. Но они потешались не над ним. Просто им было весело жить, особенно двоим из них – похожим.

Он успокоился, когда понял это. И догадался, что одна из женщин была ребенком другой. Как и он совсем недавно, когда его звали... никак.

Никто не давал ему клички, ведь житель кошачьего мира не нуждается в словесном клейме. Это люди испытывают слабость к ярлыкам и первым делом навешивают на младенца имя, от которого уже не так просто избавиться.

Его мама была выше этого. Ее круглые желтые глаза наблюдали за жизнью людей снисходительно. Сумятица их мира казалась ей смешнее копошения насекомых. Но кошка не пыталась остановить хотя бы одного человека, ей просто было не до этого – она спасала своих котят.

Поэтому и привела его с братьями и сестрами в храм. Не

ради молитвы, конечно... Нет у кошек грехов, которые приходится замаливать. Детенышам всего лишь нужен был кров, а самой кошке – пища, пока она кормила их теплым, сладковатым молоком.

И добрые люди дали ей пищу. В желтоватом взгляде затеплилась благодарность. Кошка, подумав секунду, даже позволила человеку погладить ее.

В тот вечер молока было слишком много! Он объелся до того, что уснул, продолжая сосать, и молоко натекло ему под щеку.

Но сон приснился страшноватый...

Она не знала, чем заслужила их ненависть. Их раззявленные рты, хохочущие над ее болью, казались пещерами ада, она чувствовала смрадный дух... Солнце палило, усиливая его, слепило глаза, отлично видевшие в темноте.

– Выколи ей зенки! – хрипло выкрикнул кто-то, и она поняла, что погибла.

Но изо всех сил продолжала царапаться и шипеть, спасая свою единственную жизнь, во что ее мучители отказывались поверить.

– Ничего ей не сделается, у нее же девять жизней...

– Дьявольское отродье, мы тебе покажем!

Ее потянули за лапы в разные стороны с такой силой, что плоть кошки затрещала. Еще миг...

– Оставьте несчастное животное!

Почудилось, будто голос пролился сверху. В нем слышал-

ся гнев, каким-то чудом не затмевающий теплый свет, составлявший суть человека, которому принадлежал этот голос.

– Шел бы ты, дядя, – прошипел один из тех, кто жаждал ее гибели.

– Не лезь не в свое дело!

Но голос, зародивший в ее маленьком сердце надежду, оставался твердым:

– Это мое дело. Кто, кроме меня, защитит землю, которую мой Отец создал для любви и радости? Он подарил жизнь не только людям, но и нашим братьям меньшим. А вы своей жестокостью превращаете ее в ад!

Усилия, с которыми растягивали ее тельце, несколько ослабли, и сердце кошки дрогнуло надеждой.

– А кто твой отец? – удивился один из них.

– Да что вы его слушаете?!

– Юродивый! Пошел отсюда.

– Сейчас получишь!

Что произошло в следующий миг, кошка не заметила. Она вдруг упала в пыль, точно мучители разом отпустили ее. Над головой раздался вой ужаса, но мешкать и разбираться, что произошло, кошка не стала. Бросилась на звук голоса, который уже любила, и прыгнула в раскрытую ладонь.

Человек быстро спрятал ее за пазухой. Переведя дух на его теплой груди, кошка высунула мордочку и увидела, как

те, кто истязал ее, корчатся от беспомощности и страха. Их руки висели плетьюми, отказываясь слушаться.

– Больше вы никого не сможете мучить.

Больше Он ничего не добавил и пошел своей дорогой, унося кошку у сердца. Как никто другой, Он знал, что она такое же дитя Божие, как и все твари, населявшие землю. И нет ее вины в злобных людских заблуждениях...

И еще Он знал, что кошка станет хорошей матерью целым поколениям тех, кого миллионы добрых людей будут называть своими лучшими друзьями.

Среди ее потомков оказался и котенок, призванный устроить судьбы своих людей... Он и сам не подозревал, сколько подарит миру радости!

Глава 1

Темнота шуршит, дышит, подкрадывается, душит. Темнота успокаивает, убаюкивает, обманывает цветными снами, струящимися тугими параболами. Обещает вот-вот разломиться, подобно мохнатому кокосовому ореху, не требуя даже удара о камень, и явить нечто светлое, текучее, манящее. Но портьеры не раздвигаются. Глеб знает почему: жене приятнее сознавать, что он ощущает себя похороненным заживо. Какой же свет может быть в могиле?

Сознание – сплошные пятна. Он уже научился различать их: светлые – сны, черные – явь. Когда в очередной раз ускользают все проблески, первой просыпается тоска: «Опять... Я опять вернулся. Черт бы меня побрал, я все еще жив!»

А следом уже черным дымом наползает отчаяние, потому что некуда деться от тех шагов, которыми уже наполнялась тьма. Самым страшным и ненавистным звуком на свете стал отголосок ее шагов, когда-то звучавших так фантастически легко...

Жена заходила к нему только дважды в день, он решил для себя, что это утро и вечер. Требовать от нее большего? Необходимо? Да и хочется ли?

– Что смотришь? – Роза улыбается, и от этого еще меньше становится похожа на самую себя прошлую. Это совсем не ее

улыбка. Верхней челюстью выдающийся вперед оскал. – Зачем ты проснулся? Или надеешься сегодня шевельнуть каким-нибудь пальчиком?

Она всегда говорит «пальчиком», но это звучит не ласково. Когда Розин голос срывается криком, Глебу становится легче. Непонятно почему, ведь он знает, что следом жена ударит его. Столько раз, сколько внутренних взрывов произойдет в ней.

Как обычно, в последние три месяца, он ничего не почувствует, только душу сдавит тяжкое ощущение полной беспомощности, которое Роза и рассчитывает вызвать. Знает ведь: физическая боль перестала существовать для него сразу после той аварии. Перелом черепа, повреждение всех возможных центров... Как он выжил? И главное – зачем?

– Ты в курсе? Я продала твою половину дома. Да откуда тебе знать! Уже продала, что ты удивляешься? Мне нужно на что-то жить, я же не подышаю вместе с тобой... А ты ни копейки мне не оставил, сволочь, только этот паршивый коттедж. Неужели у тебя ничего не припрятано?

«Она ждет ответа. Немыслимо. И заводится от моего молчания». – Глеб смотрел на жену, не открывая глаз – единственного, что еще подчинялось ему. Было время, они понимали друг друга с одного взгляда. Тогда она была как свежий бутон, и Глеб твердил: невозможно было подобрать ей имя удачнее. Тогда она умела летать... И не только над сценой.

– Куда ты дел все деньги? Не поверю, что у тебя нет ни-

каких тайных счетов! Или ты все на нее записал? Нет, что-то должно было остаться на тебе, не такой же ты идиот!

Ей было под силу изувечить его окончательно, раздробить все косточки, по одному вырвать оставшиеся зубы, если бы она решила доставить себе такое удовольствие, но нарушить его молчания не могла. Глебу оно представлялось коконом, почему-то серого цвета, свитым из прочных нитей, способных изранить человеческие руки. И Розе уже хотелось этой крови, все равно, его ли, своей, лишь бы что-то живое проступило наружу, убедило, что она сама не умерла вместе с мужем...

Следующее утро взрывалось воплем:

– Ты еще жив?! Ненавижу!

Однажды она перешла на шепот, от которого свистело в ушах, и Глеб догадался, что люди, купившие половину их дома, уже переехали.

– Ты никогда не сдохнешь!

«Да ведь ты рада, что я еще жив!» – хотелось ему выкрикнуть.

Ее лицо то распухало от злобы, то вдруг ссыхалось, заострялось, превращая Розу в старуху, давно пережившую и страдание, и любовь. Только ненависть еще цеплялась за ее душу когтями, заставляя выкрикивать грубые, злые слова. И ей хотелось, чтобы Глеб кричал вместе с нею. Кричал, стонал, хрипел, плакал, просил о помощи – что угодно, только бы не молчал. Только бы дал понять, что она отомщена за

весь этот последний год...

Шаги уже гремели рядом – куда там Каменному Гостю! Глебу захотелось зажмуриться.

– Я ведь в любой момент могу ввести тебе воздух в вену. Думаешь, этот идиот, наш врач, станет искать след от укола? Да он двадцать раз перекрестится от радости, что не придется больше возиться с живым трупом!

«Он и не возится».

– Он, конечно, и не возится, но все – лишняя морока.

«Ну, давай же, наконец! Возьми этот проклятый шприц!»

– И все-таки ты у меня еще поживешь. Я пока не чувствую, что отомстила по полной. Тот адский год – ты помнишь? – был долгим...

«Года три, не меньше, – не согласился Глеб. – Она ведет отсчет с того дня, когда появилась Нина. При чем тут Нина? Я ее едва помню. Надо же... Я помню то, что с Розой все кончилось еще до нее. Но уже в этом проклятом доме».

Когда-то он был влюблен в этот дом, вернее, еще в проект. В его общей легкости, запечатленной в асимметрии крыши, Глебу виделось что-то Розино. Из тех времен, когда она занималась в балетной студии, а Глеб караулил на улице и подпрыгивал, заглядывая в окна. Поэтому в памяти и остались отдельные, выхваченные им фрагменты, которые не сливались в единый танец.

Тогда он и не мечтал о своем доме, таком вот – двухэтаж-

ном, с широкими изгибами лестниц на этой половине и витиеватой спиралью на другой, с огромными окнами, с дышащим жизнью зимним садом, с просторными спальнями и джакузи – словом, со множеством совершенно необходимых вещей, о которых студент Политеха имел довольно смутное представление. Да и кто в те годы знал, что такое «джакузи»?

Они с Розой слишком долго были сначала нищими студентами, потом просто нищими, а когда Глеб, наконец, вытянул этот дом из золотой жилы комсомола, воспользовавшись депутатским мандатом, они с Розой уже превратились в других людей. В ней больше не было того свободного размаха, который заворожил Глеба в юности, и она ни о чем не мечтала. Даже о детях.

Пока жили с его родителями, Роза не хотела детей, чтобы теснота не задушила их, а потом оказалось, что она не в состоянии забеременеть. Можно было, конечно, лечиться, делать операции, на которые теперь и деньги были, но жена как-то сразу сломалась. Поставила крест на всем том, нерожденном, несостоявшемся, что должно было стать ее жизнью. И тогда Глеб начал замечать: по дому мелькает старуха...

Она еще не поселилась окончательно, только присматривалась, обживалась, но теперь ее было не выгнать из Розы. Конечно, было ошибкой, что Глеб тоже сразу сдался, уступил свою любимую женщину этому уродливому существу. Нет, не ошибкой даже, а предательством, чего уж пытаться приукрасить. Именно это, а не то, что появилась Нина, которая и

в воспоминания-то его втискивалась только бочком, усаживалась с краешка, стараясь не мешать Розе, занимавшей все пространство. Во снах – светлое, наяву – темнее темного.

– А у меня для тебя сюрприз! – Голос прозвучал с язвительной радостью, чтобы он сразу понял: хорошего лучше не ждать.

Ей было известно, что Глеб все слышит и понимает, врачи разъяснили это сразу. Общаюсь с ними, он подавал сигналы глазами. Ей – нет. Просто закрывал их. Но Роза-то уже знала о его неотмершем слухе... Поэтому хлестать словами было единственно возможное отмщение. Плести из слов длинные хлысты, сдирающие кожу с души, да так, что боль брызжет кровавым фейерверком во славу мести.

Но Роза не могла удержать руки, плоть тянулась к плоти, требовала прикосновений. Ей просто необходимо было ударить по этому застывшему, неживому на взгляд лицу, чтобы в ней самой унялась дрожь, похожая на сексуальное возбуждение, только не любовью порожденная. Все возможные угрызения, вроде того, будто «лежачего не бьют», она отвергла сразу же. Он же бил ее, когда она не могла ответить. Он бил ее, не занося руки, но так, что у нее разрывалось от боли все тело.

– Слышишь?

Наклонившись, Роза пристально всмотрелась в пожелтевшую пленку век, но они не дрогнули. Ей говорили, что Глеб

открывал глаза и вроде бы смотрел осмысленно, однако ей самой этого ни разу не удалось заметить. Он защищал от нее свой взгляд этими слабенькими, постаревшими веками.

– Ты слышишь? Сегодня у тебя праздник. Какой? Ты переезжаешь. Куда? В мою комнату. Зачем? А вот это и есть сюрприз.

Металлическая кровать на колесиках подалась без сопротивления. Роза толкала ее, напевая от радости: это она здорово придумала, мерзавец, пусть помучается с ее... Нет, ее муки ему никогда не изведать, но хоть отчасти он сможет испытать, каково это...

– Вот так!

Кровать боком глухо стукнулась в стену, но и это не заставило Глеба открыть глаза.

«Почему он не хочет меня видеть? – Роза все еще стояла у него в ногах, стиснув перекладину спинки. – На докторов ведь смотрел, что-то пытался сказать им взглядом. На меня ни разу не взглянул... Но я-то не виновата перед ним! Или ему стыдно? О, это вряд ли! Никогда ему не было ни жалко, ни стыдно».

– Я разобрала тут кладку стены, – сказала она, понизив голос, но без прежнего злорадства. – Не сейчас, еще тогда... В тот незабвенный год, когда ты привел туда Нину. Да, подслушивала! И если ты думаешь, что это доставляет удовольствие... Попробуй сам, какое это удовольствие. Насладись по полной! Теперь ты будешь слышать все, что происходит

на той половине. С той стороны у них кухня, если ты помнишь, а кухарки нет, так что они обязательно будут там собираться. Не удивлюсь, если они и обедать станут на кухне...

Услышав за стеной какое-то движение, она перешла на шепот:

– Зачем? Ты спрашиваешь, зачем все это? Да чтобы ты ни на минуту не забывал, что жизнь не остановилась, когда ты из нее выпал! Все остальные продолжают разговаривать, смеяться, ссориться, ну что ж, не без этого! И только ты один валяешься тут проклятым бревном!

Сквозь опущенные ресницы он увидел, как ее рука ударила по его щеке. Лучше б это доставило ему боль. Лучше б он орал и корчился, но – чувствовал!

– Теперь привыкай быть вне жизни! Я еще потерплю твои чертовы подгузники, лишь бы ты вдоволь намучился перед смертью... Так что давай, веселись тут... без меня. Ты же этого хотел? Кстати, если не ошибаюсь, за стенкой сегодня отмечают новоселье. Представляешь? Они первым запустили в дом кота! Как мило, правда? Такой обычный черный кот, даже непородистый...

Через несколько минут ее «Форд» отъехал от дома, утянув последние звуки. Глеб подумал, что его «Рено» уже не восстановишь, как и хозяина. Зачем удержалась его душа в полностью уничтоженном теле? Для чего? Он уже не надеялся найти на это ответ.

Глава 2

В этот дом она влюбилась сразу, краем глаза увидев проспект, лежавший на столе у коллеги по риелторскому агентству. Еще не рассмотрев до деталей, не узнав подробностей планировки и размеров площади, Рената угадала в нем признаки своего будущего (первого!) дома: он был схож с нею самой, такой же летящий и светлый, не похожий на другие. Плетеные балкончики создают ощущение легкости, почти невесомости, если так можно сказать о доме. Ее Женька полетит на этом воздушном корабле к счастью!

Стон вырвался воплем о помощи:

– Сколько?!

Ее тут же обдали разочарованием: продается только половина. Видишь, отдельный вход, полная автономность, но все же лишь половина. А так отличный коттедж, со всеми коммуникациями. Новорижское шоссе, двести метров от Москвы-реки. Твоей девчонке в самый раз. Но – половина.

– Почему, Господи, почему, а?

Рената вопрошала об этом как о наказании, которое человек считает незаслуженным. Ей нужен был весь этот дом. Она не любила делить с другими то, во что влюблялась по-настоящему, хотя среди ее мужчин за шестнадцать лет после развода, конечно, встречались женатые. Но, может, потому она и расставалась с ними с какой-то брезгливой торопливо-

стью...

Ее заверили с некоторым злорадством, что весь дом она вряд ли потянула бы, так что радуйся тому, что идет в руки. Рената огрызнулась: «А ты мой счет проверяла?» Но, взглянув на бумаги, ахнула, не выдав этого. Да, только-только укладываемся... Надо брать сколько можешь. А там видно будет!

С преувеличенной сосредоточенностью незрячего оглаживая снимок пальцами, Рената воссоздавала в воображении объем – вплоть до бурых сосновых игл, зацепившихся за асимметричную, покатую крышу, похожую на парус. В нем чувствовалась та неудержимость, какую она всегда ощущала в себе: нестись вперед, едва успевая оглядывать берега – это был тот темп жизни, в котором ей было в радость существовать. Стоило замедлить бег, и скользящее по пятам ощущение собственной бесполезности злобным псом впивалось в загривок.

Рената видела, что не она одна пытается убежать от этого чудовища: весь огромный город летел не по жизни, а, скорее, над ней, не успевая прочувствовать, обдумать, удивиться... Вот Светлана позволяла себе, но ведь отсюда и все ее депрессии, которые, она полагала, умело скрывает от младшей сестры.

От момента, когда Рената впервые увидела снимок дома, до переезда прошло меньше месяца, синдром сбывшейся мечты не успел залить радость горечью. Она скользила по

комнатам, по витой лестнице на цыпочках, боясь повредить свое хрупкое, как мерцающий елочный шар, счастье. Все вокруг было материализовавшейся мечтой: разлитый по перилам янтарь, свет и простор, никакой темной старины, только сегодняшний день, модерн, но похожие на сельский плетень балкончики подтверждают: от корней мы не оторвались.

«Мой дом», – шептала она одними губами, чтобы не услышала Света, которая, честно говоря, вложила средств не меньше, заработала целой серией детективов, которых стыдилась, как откровенного уродства. Но так уж совпало: стоило Ренате размечтаться о хорошем коттедже, как сестре встретился бывший однокашник, устроившийся редактором в крупное издательство.

– И как его только взяли, дурака? – удивилась тогда Светлана. – Из троек ведь не вылезал!

– А-то ты не знала, что у нас страна троечников! – отозвалась Рената, давно не упоминавшая о своей школьной серебряной медали.

Этот разговор состоялся уже лет пять назад, и Рената не помнила, чтобы пришлось уговаривать сестру завербоваться в детективщицы. Потому и приходила в ярость, когда Женька в пылу редкой-редкой ссоры бросала, что мать их обеих отправила на каторгу ради этого дома. Неужто Светке не так уж тесно было в двухкомнатной хрущевке, где еще и мама с ними жила? Сестра сама приняла решение, сама подписала весьма выгодный договор с издательством, Рената ее рукой

не водила. Им всем пришлось пахать эти пять лет, Женька и то пока осталась без института, но зато теперь они могут почувствовать себя людьми. Разве нет?

Оставшиеся за стеной хозяева продали эту половину вместе с мебелью, чудной мебелью, какую сами девицы Косаревы, все до копейки потратившие на эту сделку, еще не скоро смогли бы себе позволить. А тут вроде как приложение к дому. Теперь главное, чтобы не подрал Огарок – их черный кот с двумя лунами вместо глаз. Хоть и приبلудный, а первым облюбовал царское кресло с высокой спинкой.

– Не по чину амбиции, – бормотала Светлана, но кота не трогала. Ее он за хозяйку упорно не признавал, можно было и схлопотать.

А Ренате казалось вполне естественным, что любимец выбрал лучшее кресло. Кому ж еще царствовать над тремя женщинами, как не коту?

Ее больше волновали соседи – странные какие-то... Может, им, конечно, просто некуда было перевезти все это? Или просто наскучили старые шкафы и диваны, а продавать по отдельности – лень... Хотя Ренате трудно было это представить.

Женьке объяснила расхожей фразой: «У богатых свои причуды». Никто из бывших хозяев в агентстве даже не появился, сделку заключал адвокат. Рената с таким уже сталкивалась, когда сама выступала в роли риелтора, а не покупателя, и ничего против не имела. В конце концов, какая раз-

ница, кто там за стеной? Вместе детей не крестить...

Рената нашла взглядом дочь, усевшуюся на ковре среди коробок, которые необходимо было разобрать до завтрашнего вечера. В опустевшую уже забрался Огарок. Уложился так компактно, любая упаковщица позавидует. Умеют кошки использовать пространство!

Огарка она звала единственным мужчиной в доме. Правда, кастрированным, но, как говорилось в бессмертной комедии, у всех свои недостатки! Сама же и лишила кота радости, чтоб не поливал вонючей дрянью ее новый дом. Еще жили в старой квартире, но Рената уже всю готовилась к переезду.

– После операции он может проспать несколько часов, – предупредил ветеринар. – До лотка сегодня вряд ли доберется...

Как он ошибался!

Огарок проснулся уже минут через сорок после того, как они вернулись домой. Покачиваясь и заваливаясь, кот потащился к лотку, стоявшему на кухне под табуретом. Как пьяница, выброшенный из бара, он привалился к ножке и долго с видом святого мученика делал свои дела.

Рената с дочкой замерли на пороге, боясь спугнуть зверя, до конца не вышедшего из коматозного состояния. Наркоз – дело непредсказуемое! Какой прадедушка может внезапно проснуться в их найденыше?

– Вдруг он набросится на нас? – прошептала Женька, цепляясь за локоть матери.

– Не добежит, мы успеем захлопнуть дверь, – тихо ответила Рената.

Но на всякий случай закрыла дочь собой. Мало ли...

Выпав из лотка, Огарок развалился в самой дерзкой позе и начал вылизываться. Потом остановился: на морде его застыло недоумение. Кот явно чего-то не находил...

Женька пискнула:

– Все. Сейчас он нас точно сожрет. Говорила я, лучше собаку взять!

– Собака сгрызет весь дом, как бобер...

– А этот – нас!

– Не бойсь! – призвала Рената бодро. – Что, мы вдвоем с одним котом не справимся?

Но кот и не думал нападать. Устремив взгляд в пространство, он героически заставил себя принять потерю. Даже Женька, сопротивлявшаяся внедрению Огарка в их жизнь, уважала его.

– Обалдеть, – пробормотала она, – даже не разозлился! Я б на его месте...

Правда, Светлана была уверена, что «это тупое животное» даже не догадалось, чего лишилось. Рената спорила с ней всерьез. Во-первых, Огарок не тупой! А во-вторых...

– Не животное? – гудела сестра.

Но кот прощал Светлане природную язвительность. В год

Змеи родилась, чего от нее ждать... А он, хоть и пришел в мир черным как уголь, был миролюбивым котом. И пакостил сдержанно: ну, когти поточит о стену – обои же старые! Зато хозяйские тапочки намочить – никогда, ни за что...

Рената сама притащила тяжеленную когтеточку, чтобы предотвратить покушения на будущий дом. Устроила демонстрацию товара, показала коту, как нужно царапать увитый бечевкой ствол. Изобразила, какое неземное наслаждение при этом испытываешь...

Огарок проследил за ней с интересом, но повторить не решился. Вернулся к рулону старого коврового покрытия, который не только использовал в маникюрных целях, но и плотские желания удовлетворял с его помощью.

Женька фыркала:

– Прикольно! Он кошку видит в этом рулоне? Огромная, тихая-тихая кошка...

– Придется тащить этот чертов кусок в новый дом, – вздыхала Рената.

Светлана подхватывала:

– Не бросать же обманутую женщину!

Теперь изрядно полысевший рулон лежал в углу кухни рядом с миской Огарка и его лотком – весь мир в одном месте.

Почувствовав взгляд матери, Женька подняла огромные, почти черные глаза, но не улыбнулась, как обычно, напомнив без слов, что ни она, ни Светлана не одобряют нетерпеливо-

го желанья Ренаты провести новоселье сразу же. С момента переезда прошла всего пара недель. Хотя, если разобраться, зачем откладывать праздник?

– Зачем хвастаться? – не понимала дочь. – Мам, так ведь и сглазить можно...

– Надо делиться радостью, – попыталась защититься Рената. – Если во всех видеть завистников, так и друзей не останется.

– А они у нас есть?

Утром, бросив это, Женька вышла из комнаты быстрее, чем Рената продохнула возмущение: «Как это у нас нет друзей?! Да я человек сто могу созвать сразу же!» Но вслед этого уже не крикнула, секундное замешательство позволило глупому сомнению вынырнуть из тех глубин, куда она старалась не заглядывать: «Что, если она права? Или Женька о себе говорила? У нее-то есть друзья?»

Ренату в жар бросило: «Не знаю ведь! Ничего не знаю о ней сегодняшней... Все маленькая вспоминается – в кудряшках, с ямочками...» А дочь уже взрослая, побилась об углы предостаточно: и официанткой поработала, и фотографировать пыталась, и сама сниматься, и писать для газеты...

Последнее Рената приняла с восторгом: пусть пишет, может, продолжит со временем (поскорее бы!) дело своей тетки! Детektивами народ никогда не наестся досыта, запах крови, сочащейся со страниц, во все века будет будоражить и заставлять платить деньги. Которые могут пойти на такой

вот коттедж... Дом ее мечты.

Ей вдруг до ломоты в плечах захотелось обнять сзади от-
вернувшуюся дочь, пробраться сквозь заросли пушистых,
пепельного цвета волос, которые Женька обстригла по моч-
ку уха – младенчески розовую, без серьги – сразу после вы-
пускного, прошептать: «Все сбылось, моя девочка! Теперь
ты сможешь пойти учиться». Они ведь часто обнимались –
обе нуждались в этом. Запах дочери Рената любила больше
всех ароматов этого мира... И Женька шептала:

– Мамочка, как ты вкусно пахнешь!

Точно в объятиях матери она вновь уплывала в детство.
Потому и норовила то и дело прижаться... Оно ведь усколь-
зало неудержимо! Если вспомнить о цифрах – уже третий
десяток пошел...

Но сейчас Женька была сердита, воинственно выставив
твердое плечико... Рената беспомощно улыбнулась круглой
макушке, постояла, опустив руки, и отправилась искать сест-
ру, с которой никогда не чувствовала себя виноватой.

А когда нашла ее в кухне, пронизанной косыми, прозрач-
ными лучами солнца, вместо Светки увидела нелепую, ста-
реющую тетку, напялившую красную бандану племянницы и
один из своих многочисленных балахонов, про которые сама
говорила, что больше их только у Пугачевой.

– Господи! – вырвалось у Ренаты.

– Что такое, малыш? – Тяжелые губы Светланы встрево-
женно раскрылись, нижняя обвисла перезрелой сливой, и

все ее темное, вытянутое вперед лицо устремилось к сестре с одним только желанием помочь.

«Чем тут поможешь? – Рената не могла сказать ей этого. – Я моложе всего на шесть лет. Господи, я не хочу становиться теткой!»

– Еще целая куча работы, – выкрутилась она. – Мы ни за что не успеем.

Светлана прогудела бодрым басом, знакомо вытянув губы трубочкой:

– Ну что ты, малыш! Все мы успеем. Я еще и пирог собираюсь испечь.

– Господи, – произнесла Рената уже с другой интонацией, – что б я без тебя делала, а?

– Это правда, – она хрипло рассмеялась, – ты без меня, а я без тебя. А Женька без нас обеих.

«Все-таки Женька – моя, а не общая, – подумала Рената с ревностью, которая напоминала о себе все чаще оттого, что дочь становилась старше. – Вечно ты забываешь об этом...»

– Главным образом без тебя, конечно, – добавила Светлана.

Пройдя мимо нее к окну («Слишком уж она видит меня насквозь!»), Рената сказала, глядя на единственную среди сосен, совсем юную березку:

– Нам бы такой дом в детстве, а? Носились бы по лестнице, по перилам катались бы, на крышу лазили загорать... А то прожили в нищете целую жизнь. Женька и та уже выросла.

– Родится кто-нибудь еще...

Рената быстро обернулась:

– Кто это родится? Ты что болтаешь? Женька...

– Стоп-стоп! Я же вообще говорю. – Полная, пластичная рука описала в воздухе круг. – Что ты взвилась?

Невольно проследив взглядом, Рената процедила:

– Чем позже, тем лучше. Сейчас для нее главное – в институт поступить.

– Никто не может решить за другого, что для него – главное.

– Да ну? Плохо я за вас решила насчет этого дома? Может, он тебе не нравится?

– Нравится.

Ренате показалось, что это прозвучало оскорбительно равнодушно. Конечно, Светлане больше подошел бы какой-нибудь скрипучий усадебный сарай девятнадцатого века с темными аллеями и прочей ерундой, которая кажется ей романтической. В стенах жили бы жучки, а подгнившие доски пола прогибались бы под ногами.

– А где у них, интересно знать, были удобства? – пробормотала она, забывшись.

Не до конца развернув очередную тарелку, Светлана уставилась на сестру:

– У кого?

– У дворян. В их усадьбах.

– Горшки у них были... У некоторых – золоченые. И слуги

их выносили.

– Правда? – У Ренаты часто возникало ощущение, что сестра посмеивается над ней.

– А ты думала, они над земляными ямами зависали в кринолине-то?

– Да ну тебя! Ты всю посуду проверила? Грузчики ничего не разбили?

В дверях внезапно – шагов не было слышно – возникла Женька:

– На чердаке стоит сейф!

– Серьезно? – Рената физически ощутила, как ее авантюрная жилка начала раздуваться.

Светлана сдула с освобожденного от бумаги блюда труху:

– Закрыт, конечно...

– Но его же можно вскрыть!

Женька с невинным видом уставилась на тетку:

– У автора детективов должен быть в знакомых какой-нибудь «медвежатник»!

– Может, и найдется...

– Или ты, мам, сама вскроешь?

Поддев носком скомканный газетный лист, брошенный сестрой на пол, Рената прищурилась:

– Думаешь, мне все под силу? А знаешь, дочь, ты не очень-то ошибаешься!

Глава 3

Накануне кот выгнал ее из дома.

Звучит дико, но все произошло именно так: точно взбесившись, Огарок вдруг с шипением погнал Женьку к двери. Позвать на помощь было некого: старшие женщины уехали в гипермаркет за продуктами.

– Да отвяжись ты! Взбесился, что ли? – Женька пыталась прорваться к лестнице на второй этаж, но кот всякий раз оказывался шустрее.

Он яростно махал лапами, и торчащие загнутые когти не оставляли сомнений в его намерениях.

– Да что тебе нужно?!

Прижавшись спиной к двери, она смотрела в его желтые глаза и пыталась понять, что это нашло на мирного Огарка. Кошки странно ведут себя перед землетрясением... В Подмосковье? Смешно.

«Но что-то же он чувствует, – подумала Женька с сомнением. – Черт его знает, может, лучше смыться из дома, раз он настаивает?»

И она выскользнула за дверь, только схватив сумку, здоровую, джинсовую, больше похожую на суму. Впрочем, до сумы было недалеко: дом выжал из них все на несколько лет вперед...

Только поэтому она и забрела в бар. Решила выяснить, нет

ли работы. Но, увидев посетителей, даже спросить не решилась, хотя понимала, что будет выглядеть полной дурой, когда повернется там и уберется восвояси.

«Но раз уж мы теперь местные, нужно же провести разведку боем!» – подстегнула она себя.

– Воу, – услышала Женька, чего никак не ожидала. – Что за крестьяночка такая пожаловала, вся из себя естественная, простенькая, как три копейки?

Она отчетливо увидела себя его глазами.

А глаза были очень даже ничего... Теплые такие, карие, хотя это, конечно, обманка, как все эти ходячие мешки с деньгами. Деньги теплыми не бывают. Разве что монетки, если долго держать в ладони. Но вряд ли этот парень когда-то расплачивался медяками.

Женьку озадачило, что он не посасывал кальян, даже пива рядом не было, просто сок пил, похоже, апельсиновый, – американцы заразили всех этой цитрусовой страстью. А по ней так лучше яблочного ничего нет!

Но самым поразительным было то, что он привстал, как в старые добрые времена, когда она проходила мимо его столика:

– Хочешь сока?

– Свой предлагаешь допить? – вырвалось у нее.

Его улыбка оказалась естественной, даже зубы не очень ровными, и это заставило ее остановиться. Свой?

– Свой я сам допью, а ты выбери какой хочешь.

Женька думала уже о другом и не сразу сообразила: о чем он? Уставилась на него с глупым видом и за это рассердилась на себя. А досталось, конечно, ему...

– Ты не обознался? Я не обслуживаю за выпивку!

Ей всегда нравилось, как проступает румянец на смуглой коже, а парень успел загореть. Румянец проступил пятнами, которые слились в замысловатый узор, Женька даже невольно залюбовалась. И этому его жару, проступившему на щеках, как-то удалось заставить ее смягчиться. К тому же он все еще стоял перед ней, как будто и в самом деле был джентльменом.

«Или у него такой отработанный способ сбивать с толку?» – засомневалась она.

– Мне и в голову такое не пришло бы, – пробормотал он, а глаза у него стали какие-то больные. – Ты несколько не похожа на этих...

Он неопределенно мотнул головой, а потом неожиданно сказал:

– Мне кажется, ты любишь яблочный сок.

Можно было, конечно, разочаровать его, но Женька опять сделала шаг навстречу:

– А что, у меня черенок из темечка торчит?

Его ладонь только скользнула над ее головой, но Женька успела почувствовать тепло.

– Вроде нет. Сейчас возьму, садись. – Он отодвинул стул, усадил ее и умчался, так и не ответив на глупость, за которую

она уже поругала себя.

Когда на столике возник узкий, слегка запотевший стакан с яблочным соком, она вдруг решила: «А чего дергаться? Раскручу его немножко и сбегу, не откроет же он ради меня сезон охоты...»

Как-то просительно улыбнувшись, он представился, хотя она и не спрашивала:

– Зови меня Мишкой.

– Я думала, так сейчас уже не называют...

– А мне понравилось это имя, – ответил он так, будто сам себя назвал.

Это было так странно, что Женька слегка растерялась, не нашлась, что ответить. А Мишка улыбнулся ей, точно пытался подбодрить, потом огляделся, не рассеянно, как обычно принято в баре, а слишком даже внимательно, и с неожиданной грустью сказал:

– Здесь так много несчастных людей...

– Несчастных?! – не поверила она своим ушам. – Да они все до одного в деньгах купаются!

– Вот я и говорю, – произнес он загадочно и умолк, потягивая свой сок.

И когда Женька уже потеряла надежду услышать толкование, вдруг продолжил:

– Деньги имеют обыкновение наслаиваться между людьми. Многие из тех, кого ты здесь видишь, одиноки просто невероятно, хотя у всех есть родители. Но они разобше-

ны. Они существуют в разных плоскостях и даже не стремятся пересечься, вот что обидно.

Он говорил как священник: произнося вслух именно то, что думал. И печаль в его глазах казалась неподдельной... Женька решила, что никогда не смогла бы открыться до такой степени незнакомому человеку. Разве что маме... Или Свете... А Мишкины родители, похоже, не особенно им интересовались.

Чтобы утешить его, она заметила:

– Независимость – это не так уж плохо.

Но он тут же заспорил:

– Ты ведь не пережила того, о чем говоришь. Свобода такого рода – это вакуум. Свобода от любви, от разговоров, от всего, понимаешь? От всего, из чего состоит семья.

«Ничего нового, – успела подумать Женька. – Но как ему удастся произносить банальности так искренне?»

– Многие из этих ребят даже «доброе утро!» не успевают сказать своим матерям, те уже на работе, когда они просыпаются. И потом... Большинство из них обзавелось большими капиталами не так давно. Если б они существовали таким образом с самого рождения, а то... Эти дети не научились жить в вакууме, понимаешь?

Она не понимала. Никогда не жила в вакууме – мать окутывала ее любовью с младенчества. И Женька тоже испускала навстречу нити нежности, которые были прочнее любых денежных канатов. Если иногда и давали трещину, то срас-

тались уже к вечеру, и потом никто не мог вспомнить причины размолвки.

Ей вдруг подумалось, что Мишка клеветает на свою мать. Так многие делают, когда чувствуют себя никудышными детьми. Естественная самозащита.

– Ты что, каждому встречному рассказываешь, какая у тебя ужасная мама? – спросила Женька резко, чтобы у него не осталось сомнений в том, как она к этому относится.

– У меня? – удивился он. – Разве я о себе говорю?

– Но о жизни других людей ты ничего не знаешь! Что они – исповедовались тебе?

Сделав глоток, он опять проговорил уклончиво:

– В какой-то мере...

– С чего бы это?! – Она не могла обуздать злость, та уже рвалась наружу. – Ты тут звезда местная, что ли? Первый парень на деревне? И потом, почему ты говоришь о них как о детях, хотя все они наши ровесники? Лечиться не пробовал? У тебя явная мания величия!

И тут произошло то, чего Женька никак не ожидала. Мишка вдруг встал и вышел так быстро, что она ничего и сказать не успела. Надеясь, что хотя бы за сок уже заплачено, она быстро опустошила стакан и, почему-то опустив глаза, просто не могла поднять веки, как злополучный Вий, выбралась за Мишкой следом.

Но его уже не было. Наверное, его машина стояла у самого бара...

Эта странная встреча зацепила, оставила чувство вины. Человеку, наверное, просто хотелось поплакаться за стакан сока, вышло это у него как-то странно, хотя, в общем-то, немногого он и требовал от нее... При желании могла бы и шампанского попросить, он не отказал бы, надо было только кивать и поддакивать. Светлана легко справилась бы с этой ролью.

«А у меня и на это таланта не хватило. Бездарность». – Женька угрюмо смотрела на пустую дорогу. Когда он успел умчаться? Или она слишком долго лакала свой дурацкий сок?

Она вдруг обнаружила, что окунулась в тишину. В их доме редко бывало тихо – Светлана писала под музыку. И не под «Мурку» какую-нибудь, а под Шопена, Рахманинова... Как они сливались с детективами, Женьке трудно было даже представить, но ее тетке все удавалось.

«А может, мне пошло бы на пользу какое-то время пожить в полной изоляции от звуков, впечатлений, от мира в целом, чтобы наконец расслышать то, что есть во мне. Не может ведь и там звучать тишина...» – думала она, удаляясь от бара, унося в себе недоумение.

До сих пор Женька так и не расслышала, чего просит ее душа, какое будущее ей пророчит. Догадывалась, что многим не удастся различить этот сокровенный шепот за всю жизнь. Зачем же тогда жизнь?

Точно знала одно: шуршание купюр не заставляет зами-

рать ее сердце. Хотя вокруг твердили, что богатыми становятся личности, а бедным быть стыдно. Забыли, как беден был Иисус...

Пытаясь вырваться из лап безденежья, Женька вместе с тем не видела ничего постыдного в нищете великих актеров, писателей, художников. Ей было бы стыдно жить в роскоши рядом с такими людьми. Но был ли среди их новых соседей хоть один достойный? Личность?

По дороге домой она размышляла о том, кого назвала бы личностью... И решила, что этот человек должен был отдать миру так много себя, что соприкоснувшись с этим подаренным стало радостнее жить. Радостнее еще и оттого, что с его помощью они поднялись хотя бы на ступеньку по той незримой лестнице, которая ведет к истинной высоте. Где можно вдохнуть самый свежий ветер...

– Вы совсем недавно разбогатели, да?

Внезапный вопрос выдернул Женьку из своих рассуждений. В каком-то километре от дома она увидела Мишку, стоявшего под березой на обочине. Оно клонилось к нему, это дерево, тянулось плакучими ветвями, и каждый лист дрожал от нетерпения коснуться коротко стриженных волос. Мишка ждал, сложив на груди руки, но вид у него при этом не был вызывающим. Он так приветливо улыбался...

– Разбогатели! – презрительно-глуповатое фырканье. – Слово-то какое... Допотопное. Почему это ты так решил?

– Ты все-таки допила сок...

– А с чего ты взял, что мы все же разбогатели? Может, я приехала из... Балашихи?

– Я видел, как вы переезжали. Да я не выслеживал, не смотри так! Мне нравится бродить повсюду. А от вашего дома неплохой вид.

– Ты художник?

– Я похож на художника? – Он чуть отвернулся, и его щека опять покрылась светящимся жаром рисунком.

– Вообще-то, нет. Слишком ты бритый для художника. Я представляю их похожими на хиппи шестидесятых.

– Тогда почему же ты решила, будто я художник? У меня откровенно безумный вид?

– Ну...

– Можешь считать меня художником. В общем-то, это не будет неправдой.

В этих его словах чувствовался привкус зазнайства, но на этот раз Женька не стала протестовать. Слишком хорошо помнила то ощущение паники, что стало бешено пульсировать внутри, когда она не обнаружила Мишку у выхода из бара.

– Не желаешь ли прогуляться? – спросил он, и его тон опять показался ей чересчур галантным, несовременным.

Заглянув в лицо, Мишка послал улыбку, которую ей уже хотелось видеть:

– Пойдем, я покажу тебе, какая тут красотища.

В семье считалось, что Женька готовится к вступитель-

ным экзаменам, но обеим сестрам было недосуг поинтересоваться, куда именно она собирается поступать. Если вообще собирается...

– Церковь не одобряет актерство.

Она даже остановилась:

– С чего ты...

– Но на самом деле примерять чужую личину – не такой уж и грех. Важно – что именно ты несешь зрителю в таком образе. Если добро и любовь...

– Почему ты вдруг об этом заговорил?!

Уголки его губ заиграли – вверх-вниз:

– Ты ведь хочешь попробовать?

– Вот черт! Ты экстрасенс, что ли?

Он поморщился:

– Не надо нас путать... И не поминай, пожалуйста...

– Ты семинарист?

Это почему-то рассмешило его.

– Мы ведь уже договорились, что я художник!

– А ты не врешь, что художник? Ты из тех, что рисуют для себя или для мира? – Она плохо представляла разницу между теми и другими, но почему-то спросила об этом.

Он повернулся. И ее будто насквозь прошило этим взглядом, который был как раскрытая ладонь: я доверяю тебе полностью. Женька даже дышать перестала, чтобы удержаться на том уровне, который предлагал Мишка. И кажется, у нее получилось сбалансировать на непривычной высоте, потому

что он продолжил:

– Я все делаю для того, кто наделил меня этим талантом.

«Ну, я же говорила – семинарист», – подумала Женька несколько разочарованно. В ее воображении начала расти монастырская стена...

А Мишка уже показывал, как переливаются оттенки бархатистой травы, вобравшей солнечные волны. Ей захотелось прижаться ладонью к одному из желтых пятнышек, но она еще не доверяла Мишке настолько, чтобы быть с ним самой собою. Он, похоже, был из другого теста, его открытость могла показаться просто придурковатостью, если б...

«Да просто если б он не был таким симпатичным!» – ее развеселила эта мысль. Посмеяться она любила, но Мишка этого пока не знал.

Глава 4

– А твоя дребезжащая пластинка прибудет?

Почти девчоночий голос за стеной прозвучал так ясно, что Глеб мог вздрогнул от неожиданности, если б был на это способен.

«Да что эта девочка знает о дребезжащих пластинках?!» – его и раньше раздражало, когда люди брались рассуждать о понятиях, с которыми сами дела не имели. Эта юная соседка никак не могла слышать ни граммофон, ни патефон, ведь Глеб и сам их не слышал. Его юность пришлась на преломление десятилетий: в восьмидесятом он окончил школу.

Мысли его улыбнулись. Этот год всегда будет помниться даже не самой Олимпиадой, а прощанием с медвежонком, улетающим на воздушных шарах. Тогда Глеб еще не добрался до Москвы, он следил за поднимавшимся в небо медвежонком по телевизору и до сих пор помнил, как все острее щипало в носу. От него улетало детство... Каждый на стадионе прощался с чем-то своим. И в то же время все вместе плакали от единого ощущения, что так хорошо уже и быть не может.

Ему была знакома эта горестная беспомощность. Как раз за год до олимпийского лета он впервые знакомился, а потом прощался с Черным морем. Оно было тогда вроде как единственное, другие моря доставались единицам. И хотя

после Глеб мог позволить себе любое, Черное оставалось *единственным...*

В тот последний, пасмурный день в Ялте, то перебивая, то сливаясь с дыханием волн, возбужденных нетерпеливым ожиданием шторма, где-то вокруг, не в голове, а в воздухе звучала песня: «Зачем же я пришел сюда? Ведь море – это лишь вода...»¹

Но Глеб уже тогда понимал, почему стоит ехать к морю за тридевять земель. Не ради загара, конечно, и не за курортными романами, все это лишь приятное приложение. Но ощущение величия и свободы, которыми должна быть наполнена каждая жизнь, так зримо и пронзительно не чувствуется больше нигде.

Жаль, что это ощущение забылось так скоро... Жизнь прошла и без величия, и без свободы.

...Другой женский голос, хрипловатый, насмешливый, ответил с укором, который невозможно было принять всерьез:

– Не смей издеваться над ним, малыш! Он влюблен в меня столько лет, сколько ты еще и на свете-то не живешь. Это, знаешь ли, заслуживает уважения.

– А по-моему, это глупо!

– Любить меня?

– Да нет! Не именно тебя. Вообще мучить себя из-за кого-то столько лет! Он же знает, что ты к нему никак.

¹ Текст песни «Не гаснет золотой закат» из к/ф «Мой остров синий» (1986). Музыка – Доменико Модуньо. Слова – Григорий Горин.

– Достань-ка лучше заливку, наш пирог требует сдобрить его.

– Он успеет допечься?

– Ну, не ринутся же они сразу к столу... Предполагается, что сначала их заинтересует дом, а потом уже стол.

– Так он приедет?

Старшая из женщин («Мать?» – попытался решить для себя Глеб) ответила не сразу:

– Я пригласила.

– А вот зачем, если ты хочешь отвязаться от него?

– Разве я сказала, что хочу отвязаться?

Юный голос протянул с упреком:

– Света! Ты что, как собака на сене, что ли? Он же тебе не нужен!

«Не мать, – уловил Глеб. – А кто же она ей тогда?»

Это не слишком-то волновало его, но нужно было хотя бы попытаться набить каким-то мусором ту временную пропасть, что зияла вокруг его постели.

– Женька! Нужен, не нужен... Негоже так говорить о людях! Ванечка – мой друг, и я им дорожу как другом, как же – не нужен?!

Глеб запомнил: «Женька. Вот как зовут эту девочку». У него была масса времени, чтобы вырастить из имени образ. Но этим он займется позднее, когда женщины выйдут из кухни. Из его теперешней жизни.

Между тем Женька, словно оттолкнувшись от его мысли,

выкрикнула, юродствуя:

– Скажите, возможна ли дружба между мальчиками и девочками?

– Возможна, малыш, возможна. Только не в твоём возрасте. Не когда гормоны бушуют.

– Не так уж они и бушуют, между прочим... А ты почему за Ванечку замуж не вышла ещё до того, как вы в друзей превратились?

«Да, почему?» – протиснулся Глеб в едва наметившуюся паузу.

Часы в комнате звучно зашуршали, отсчитывая секунды, а разрыв между прозвучавшими словами и будущими все тянулся и тянулся, превращаясь в зловещую временную трещину. Глеб с ужасом ощутил, что соскальзывает в пустоту, от которой каким-то чудом успел отвыкнуть за те минуты, что прожил с голосами незнакомых людей. Роза просчиталась: он припал к этой призрачной жизни всем, что в нём ещё могло чувствовать.

«Они вышли из кухни? Догадались, что здесь дыра? Нет, как это возможно?» – вопросы стучали быстрее часов, а ответов не было. Если эти женщины просто перешли в комнату, Глебу оставалось только смириться и учиться тому, чего в нём никогда не было, – терпению. Ему нравилось жить в движении, на скорости, в порыве, потому он когда-то и приехал в Москву: этот город жил в его темпе. Зря он построил этот дом за городом, может, это и стало его главной ошиб-

кой...

– Малыш, разве ты не знаешь, что я была замужем? – наконец отозвалась женщина, по голосу которой Глеб успел соскучиться за эти нескончаемые секунды.

– Так вроде даже дважды, – хихикнула та, которую он про себя называл девочкой, хотя ей вполне могло быть лет двадцать.

Светлана густо хмыкнула:

– Первого-то я не считаю! Я же ушла от него. Замазала чернилами на листе своей жизни.

– До того густо, что я даже в лицо его ни разу не видела.

– Иногда мы созваниваемся...

Женька подождала, но содержание разговоров не приоткрылось ей. Тогда она сердито спросила:

– И что там без него осталось? Один Петя?

И опять разразилась тишина, которой Глеб так боялся. Как давно? Пять минут? Почему эта женщина так долго не могла заговорить об этом самом Пете?

У Глеба в жизни был свой дядя Петя, комический персонаж, этакий фронтовик Хлестаков, с оторванной пяткой. Глеб хорошо помнил, как менялись на протяжении его детства рассказы дяди Пети о его участии в великих битвах Второй мировой. Сначала тот нехотя признавал, что не доехал до фронта, потом решился вплести в свое повествование одну атаку, за ней другую и постепенно добрался до Берлина. Выходило так, хотя дядя Петя и не решался утверждать на-

прямую, это казалось чересчур даже ему самому, что пятку ему оторвало во время водружения советского флага на крыше Рейхстага. Но поскольку он сразу попал в госпиталь, воспели только тех двоих героев, что немного помогали ему. Обидно? Ну, что вы! Главное, мы победили!

– Петя оставался бы единственным, даже если бы я снова вышла замуж, – каким-то отчужденным тоном проговорила Светлана. – Но, чтоб вы знали, я не собиралась и не собираюсь этого делать! То, что эти уроды, подонки убили его, еще не значит, что он умер и для меня.

Приняв как должное прозвучавшую в ее голосе злобу, Женька с любопытством спросила:

– А как ты их нашла? Финала я так и не услышала. Ты же сама их разыскала потом?

– Да уж нашла! – Смех еще более злой, похожий на лай. – Ренатка не зря меня уговорила детективчики писать, сидит во мне ищейка какая-то... Но теперь – баста. Налакалась крови за эти годы, хватит.

– В том смысле, что ты больше не будешь...

– А ты против? Голодной смерти опасешься? – Теперь смех прозвучал мягче, но в нем послышалось что-то старческое, почему-то огорчившее Глеба.

– Ну, конечно! – послышалось возмущенное. – Я же главная нахлебница! Я тебя заставляла, что ли, впрягаться во все это? Мне этот дом...

– Женька, стоп! Не смей валить на мать. Дом этот нам

всем был нужен.

«И сколько же вас там?» – заинтересовался Глеб. По старым, «совковым» меркам места хватило бы и на десятерых.

– Три взрослые бабы на две крошечные комнатухи – это ад крошечный!

Глеб закрыл глаза. Три женщины за стеной. В той самой половине, куда он привел Нину, хотя сначала хотел поселить родителей, чтоб хоть на старости лет... Но потом легко уговорил себя, что им хорошо в родном захолустье, в квартирке первого этажа с видом на помойку. Он же высылает им деньги! А Нина... Зачем-то она все время должна была быть под рукой. Может, для того чтобы Роза не забывала о ней ни на секунду?

– Если б на этот дом пахать не надо было, я могла бы в общежитие уйти!

– С московской-то пропиской? Не смей меня, малыш!
И вообще, чем тебе не нравится этот коттедж?

Ему представилось, что Женька упрямо наклонила голову:

– В том-то и беда, что он мне жутко нравится!

– И? В чем беда-то?

– Не понимаешь? Тебе не стыдно в таком доме жить?

– Бог с тобой, почему мне должно быть стыдно?

– Ты же писатель!

– А... Ты насчет голодающих стариков? Я заработала эти деньги, малыш. Я их не украла.

– У тебя же у самой ломка без конца оттого, что ты их как киллер заработала! А давайте так и назовем: дом на крови. Есть же Спас...

Светлана негромко хлопнула ладонью по столу:

– Не глупи!

– Я и нашу кровь тоже имею в виду. Этот дом ведь из нас все жилы вытянул! Ты с этими дурацкими детективами пласталась, я тоже черт-те чем...

– Не забудь про мать. Она, чтоб вы знали, по таким по-мойкам со своими клиентами лазила!

– Я знаю. Ты не думай, что я маму в чем-то обвиняю или... Да нет! Я вижу, как она пашет. Просто я подумала: у нас же всю страну болото нищеты засасывает, а мы живем как чертовы олигархи.

«Дурочка. – Глеб расхохотался бы, если б смог. – Что она знает о жизни олигархов! Такие дома у них для прислуги...»

Звякнула брошенная ложка, и Светлана протяжно загудела:

– Ну, ты что, малыш... Тебе не в чем себя упрекать. Никому из нас. О чем плакать-то? Поступишь ты в институт, куда он от тебя денется?! Как раз теперь – самое время.

Всхлип едва просочился, но Глеб уловил его: «Плачет? Глупенькая... Кому оно нужно в наше время – это высшее образование? Вагонами воровать и без него можно. В депутаты прямо с тюремных нар идут, в губернаторы... Правда, девчонке, может, и пригодится. Хотя лучше б замуж или в

подружки к кому...»

И вдруг опомнился: что я несу?! Валяюсь тут в собственных испражнениях, вот оно – мое депутатское счастье. Могла ли быть та авария случайной? Накануне-то выборов? Ни-на, Роза... Все счастливы до одури. Оставался бы инженером, никому не помешала бы моя жизнь.

– Привет, Огарок, – вдруг обратилась Женька к кому-то, но тот не ответил.

Глеб попытался угадать: «Животное? Пес? Кот? Хомячок?» С последними он никогда не имел дела и не знал, выпускают ли их разгуливать по дому.

– Эй, кот, ты что делаешь? – воскликнула девочка. – Смотри, смотри, как он о стену трется!

«О стену? Он чует меня?!» – Глеб замер и вдруг понял, что стоит ему застонать, как женщины услышат его. А кот уже знает, кто за стеной, его не обманешь.

Мысли заметались в панике: выдать себя? И жену заодно... Чем это обернется? Соседки обнаружат его, ужаснутся, пожалуются... Куда? В полицию? В какую-нибудь социальную службу? Его «спасут», отправят в хоспис, где не будет этой жизни за стеной, женских разговоров о непонятных ему вещах, внезапных открытий под конец жизни...

Светлана прогудела:

– Пошел отсюда! Порвешь тут все, Ренатка тебе задаст. Она говорила, это кубинская соломка, а ты о нее когти точить собрался!

– Не пинай его! – возмутилась Женька.

– Да я не пнула, так – отодвинула легонько.

– Мама говорит, что он единственный мужчина в нашем доме. Прояви уважение!

Глеб произвольно отметил: «Единственный». И почему-то обрадовался этому...

– Кажется, кто-то подъехал, – сказала Светлана, раздались шаги, верно, подошла к окну. – Нет, это не к нам. Соседка вернулась. Стройенькая... А его я что-то ни разу и не видела.

Женька фыркнула и втянула слезы:

– На что там смотреть-то? Воровская рожа. Наглая и дебильная. Не видела таких, что ли?

– Женька, нельзя же так – за глаза! Мы ведь не знаем наверняка, что он вор.

– А кто еще может купить себе такой дом?

– Мы, например... Не хочешь попробовать? Кажется, уже готово...

– Не хочу. Мы всего половину купили! На целый нам еще десять лет копить надо было бы. Мама говорит, что цены на жилье растут так, что за ними не угонишься.

– Ей лучше знать... А вот теперь к нам пожаловали! Миловановы, если меня зрение не подводит.

– Подумаешь, гости! – фыркнула Женька.

Глебу подумалось, что она сейчас должна раскачивать ногой, закинутой на другую, и презрительно кривить пухлый,

мягкий рот. Такой был у Нины... Почему – был? И сейчас такой же.

«Я привыкаю обо всем думать в прошедшем времени, – признал он. – В будущем – только одно...»

– Ну, она все-таки старая подруга твоей мамы. Между нами, рядом с Ренаткой действительно старая.

– Почему между нами? Скажи маме, это ж дико приятно! А насчет друзей... Мама сама сказала, что друзей на новоселье не будет. Денег-то нам никто не одолжил, когда на этот чертов дом не хватало, а?

Знакомо скрипнула дверца духовки: Нина иногда запекала курицу, больше она ничего не готовила. Их негласный договор предусматривал, что это он будет ее кормить. Хотя Глеб тоже, конечно, не торчал на кухне, привозил готовое.

– Нынче, чтоб вы знали, никто никому в долг не дает. Особенно друзьям: расписку брать неловко, а без нее могут и не вернуть.

Глеб согласился: «Это верно. Хотя и противно...»

За стеной отозвалось эхом:

– Противно все это.

– И мне противно. Да что поделаешь? Плетью обуха не перешибешь.

– А двумя плетями?

Какое-то время Глеб продолжал вслушиваться в тишину, которая с каждой секундой становилась все плотнее, все плотнее. Она давила на уши, склеивала веки: уснуть и видеть

сны... Смириться и ждать, когда на соседскую кухню заглянет кто-нибудь еще.

Жена не включала для него ни телевизора, ни радио, и Глеб пристрастился пересматривать свои воспоминания. Где-то он читал, что из давнего помнится не то, что было, а вспоминавшееся после самого события. Память хранит слепки...

Но сейчас Глебу являлись дни, минуты, которые он не перебирал раньше, совсем не помнил о них. Они всплывали будто из ниоткуда, разноцветными поплавками, вытягивая за собой ощущения, запахи... Особенно яркими были летние, накатывающие целыми волнами. Лица возникали незаствывшими снимками, он отчетливо видел короткие гримасы, улыбки, движения бровей...

Самым трудным оказалось припомнить имена. Как звали ту девочку из прощального дня на море, которая, сидя на прохладных (было пасмурно) камнях, жонглировала тремя желто-красными персиками? Они были до того спелыми, что к ее острому локоткам стекал сок, и Глебу хотелось слизнуть сладость, но он, само собой, и вида не подал. Пятнадцать лет! Борьба ноющего во всем теле вожделения и стыда за него. Знал ли он имя этой девочки с шоколадными, блестящими ногами? Кажется, они разговаривали о чем-то... Или нет? О чем можно было беседовать с девочкой, к коже которой постоянно хотелось прикасаться и, свернувшись, лежать на ее коленях...

А тот мальчишка из другого лета, его недруг, какое имя он носил? Они враждовали только потому, что каждый претендовал на роль лидера летнего лагеря. Кто из них победил в той странной борьбе, так похожей на страсть? Глеб никак не мог вспомнить этого. Да это больше и не имело значения...

Глава 5

Слоняясь среди гостей, Женька и не скрывала того, что непривычная злость нарастает в ней, заставляя поеживаться, как от колючей шерсти, раздражающей кожу. Им так хорошо тут вдвоем, ну, вчетвером, считая Огарка. А сейчас чужие люди в доме, который тоже пока не стал родным. А вдруг стены впитают не ту ауру? И опять Светлане придется обходить со свечкой все комнаты, все углы, нашептывая что-то, наверное, уговаривая дом принять и полюбить их. Или, по крайней мере, дать им наконец пожить спокойно.

Последние три года в старой квартире были похожи на кошмар. Ожидание переезда, который, как линия горизонта, с каждым днем уползал дальше и дальше, наэлектризовало все: истертый палас на полу большой комнаты (в другой не было ничего, голые доски), ручку древнего холодильника «Памир», одежду, ладони... Их било друг от друга током. Тесно, так тесно!

А еще в старой квартире умирала бабушка, в одночасье, после инсульта, превратившаяся в другого человека. Не в человека даже, а... Женька не могла подобрать слова. Обычно таких сравнивают с растением, но растение ведь не мажет стены калом, не пытается сбежать из дома на ночь глядя, чтобы заставить всех троих побегать по морозу, не ест вилкой суп...

«Но ведь она – живая», – уговаривала себя Женька после очередного приступа ненависти, заставлявшей ее кричать бабушке, изорвавшей на клочки ее учебники: «Чтоб ты сдохла! Один вред от тебя!» А та не понимала и улыбалась через окно уходящему солнцу, может быть, уговаривая забрать ее с собой. И у Женьки лицо горело до того, что кожа, казалось, вот-вот лопнет: «Она ведь живая, нельзя так...»

Рената влетала в эту угрюмую квартирку, как светлая фея. За ней тянулась гирлянда забавных эпизодов, которые она весь день собирала для дочери. И для выжившей из ума матери. Женька могла поклясться, что веселый голос Ренаты пробивался в сознание бабушки. И та улыбалась уже осмысленно, получая удовольствие от общения с дочерью, способной смеяться...

– Я хочу быть такой, как ты, – признавалась Женька не раз. – Приносить с собой свет... Но у меня не получается.

– Ты лучше меня! Умнее, красивее. – Рената произносила это так убежденно, что дочь начинала верить.

И они опять припадали друг к другу, не для того, чтобы подпитаться энергией, а напротив – с желанием поделиться.

Потому-то сейчас Женьке было так обидно за мать: напустила в дом чужих людей, старается угодить им, понравиться... Зачем это ей? Она и так лучше всех. Убеждение в этом с годами только усиливалось, хотя Женька не раз читала, будто своих матерей любят только в раннем детстве. Но Рената по-прежнему оставалась смыслом ее жизни, и, когда матери

не было дома, Женька тосковала по ней, не находила себе места.

Светлана не могла заменить сестру, у нее самой истощались жизненные силы, если Ренаты слишком долго не оказывалось рядом. И только в присутствии сестры Светлана оживала и тоже начинала искриться, острить, и тогда пространство заполнялось смехом, от которого у их кота подергивались уши. Но Огарок терпел. Наверное, дал себе слово безропотно сносить все причуды этих женщин, подобравших его котенком на пепелище церкви...

Выскользнув из дома, Женька быстро обошла участок, принадлежавший им, и направилась в лес. Ей понравился лес – смешанный, не скучный. Сейчас все в нем только вспоминало себя таким, каким было прошлым летом: лопушки выросли размером с подорожники, папоротник был не крупнее листьев петрушки. Если не поднимать глаза, вокруг было кукольное царство, Женьке даже стало жаль, что больше нельзя усесться с игрушками прямо на траве, не опасаясь клещей...

Желая отогнать соблазн, она подняла голову и, пытаясь увидеть все вокруг Мишкиными глазами, улыбнулась смешному, бутылочному стволу сосны, проследила темный блеск рябиновой кожи, наводящий на мысль о старом столовом серебре. Перезрелые, словно раздутые ветром пушинки вербы золотились на солнце, сливаясь в светящееся облако.

– Хорошее место, – подумалось вслух, и она испуганно

оглянулась, но никто не вышел из дома вслед за ней.

Здесь легко дышалось, хотя и в доме был свежий воздух – Женька еще раз убедилась в этом, вернувшись к гостям. Она настороженно всматривалась в лица гостей: «Почти никого и не знаю. В ту квартиру маме стыдно было людей приглашать...»

Единственная из семьи, Рената сразу почувствовала себя своей в новом жилище. У нее не вызывали робости ни массивные блестящие краны, с которыми она одна тут же сообразила, как справиться, ни белые кожаные диваны в гостиной – Рената плюхнулась на один из них, как только поставила сумки с одеждой. Прямо в джинсах...

Она с ходу запомнила, в каком окне появляется солнце и откуда лучше любоваться закатом. В первый же вечер Рената научила сестру, как пользоваться духовкой, которую хозяева тоже оставили им. Светланино недоумение по этому поводу она попыталась развеять, отмахнувшись: «Для них это такая мелочь! Если уж они эту половину дома продали куда дешевле, чем могли бы...»

– Воздуха много, – одобрительно отозвался кто-то за Женькиной спиной.

Она обернулась, но говоривший успел отвернуться, смешаться с теми, кто этого заметить не мог. У нее возникло ощущение, что упущен очень важный человек, сумевший уловить главное в том доме, который ей так хотелось и страшно было полюбить, как живое существо. Женька поис-

кала глазами: кому мог принадлежать этот голос? Он напомнил ей Мишкин, но ведь его не было... просто не могло быть среди этих людей...

«Надеюсь, я не дойду до того, чтобы всюду слышать его голос». – Она подумала об этом с опаской, из которой проступила капля сожаления: неужели так и не узнать ей, как это происходит с другими? Один взгляд из миллионов устремляется прямо в сердце, и оно замирает, застигнутое врасплох. Один голос из гигантского хора звучит так, что отзываются струны души...

Женька крепко ухватила невидимые вожжи, остановила эти никчемные сожаления: «Но потом все проходит, даже отголоска не остается. Только у некоторых... И они пишут: “Я помню чудное мгновенье...” Но я не из их числа».

Рядом с матерью она увидела Родиона, и эта картинка показалась естественной, хотя они расстались (Женька была в курсе их романа) уже года два назад. Но эту фразу насчет полноты воздуха произнес не он, его голос Женька узнала бы. Почему он помнился до сих пор? Ведь она никогда не была влюблена в Родиона, мужчины его возраста казались ей такими занудами!

Наверное, все объяснялось тем, что Женька впервые услышала Родиона, сидя в зрительном зале, а все, что происходило на сцене, тогда казалось ей волшебством. Она была просто сражена, когда один из этих почти мифических персонажей начал ухаживать за ее матерью, конечно, лучшей, но

обычной женщиной. Светлана усмехнулась тогда в ответ на поток изумленных Женькиных восклицаний: «И боги спускаются на землю...»

Сама Светлана сейчас разговаривала с Ванечкой Калюжным – «дребезжащей пластинкой», как Женька окрестила его еще в детстве. Ей запрещали смеяться над его манерой исполнения, и потому дух противоречия каждый раз, когда Ванечка брал гитару, посылал смешинку.

«Сейчас уговорит его спеть! – Женька заранее прикусила губу. – Хотя его и уговаривать не надо. Рад стараться».

В душе она немного завидовала Ванечке, потому что всегда мечтала овладеть гитарой, вождедела к ней, как к человеку, который откровенно избегает близости, но все не хватало времени заняться этим всерьез. Сейчас Женька пробовала себя в журналистике, писала рецензии на новые спектакли, репортажи с мест происшествий, статьи о молодежных проблемах – словом, бралась за все подряд, надеясь хоть чем-нибудь зацепить главного редактора, который смотрел на нее, как на щенка, нахально пытающегося пробиться в стаю.

– Давайте послушаем! – призвала Светлана, чуть повысив свой хриплый, низкий голос. – Иван принес нам новую песню.

«Опять посвященную тебе!» – про себя добавила Женька с ехидцей. Ей было и приятно, и немного смешно то, как трогательно этот человек влюблен в ее тетку. Наверное, даже не замечает, что Светлана стала похожа на старую собаку с об-

висшими брылями. Посветлевшие с годами глаза странным образом выпучились, как у рыбы, а профиль вытянулся вперед небрежно нарисованной объединяющей скобкой. Только густые, длинные волосы потрясающего орехового цвета источали блеск юности и запах леса – так было, даже когда они жили в городе.

Женьке казалось, эти волосы делают Светлану похожей на лесную колдунью. Не ту, киношную, красота которой – дело гримеров, а настоящую, странноватую, постаревшую, в чем-то даже уродливую, как отдельные сучья сосны. Зато живую, завораживающую своей естественностью, неправильностью, что мешало видеть в ней взрослого человека, от которого следует скрывать секреты. И некоторые Женька не скрывала.

Только в Светланиной памяти остался день, когда племянница явилась домой утром, непроставшаяся, с трудом вспомнившая, с кем провела ночь. Рената тогда угодила в больницу с аппендицитом и осталась в полном неведении насчет той ночи, которую Женьке и вспоминать-то было противно. И Светлана сразу угадала это ее отвращение к себе самой и не стала подливать масла в огонь – и без того жжет девчонке душу, сама себя наказала. Пару дней Женька не могла поднять на нее глаз и злилась на то, что до такой степени стыдится себя, а потом Светлана встретила ее с работы (тогда – курьером) свежеиспеченным тортом и прохрипела: – Мы – семья, малыш. Значит, все пойдем, все простим. Не о чем и беспокоиться. Пожалуйста, помни это.

И Женька разревелась прямо на пороге... Ей была невыносима мысль, что она может разочаровать маму, но Рената не услышала от сестры ни намека.

Разве Ванечка Калюжный знал *такую* Светлану? А может, и знал, их отношения были для Женьки хоть и не особенно интересной, но тайной. За что-то ведь он любил ее целую жизнь...

Они встретились взглядом, наверное, Иван почувствовал, что Женька рассматривает его. С его узкого лица ее взгляд тотчас соскользнул – на чем там задерживаться? Все щелочками – глаза, рот, и голос такой же, будто мелко дробится, просачиваясь сквозь отверстие, вроде того, что делают в почтовых ящиках.

На секунду Женька задумалась без насмешки: можно ли его песни назвать письмами? Есть в них какая-то исповедальность, в которую – не будь Ванечка Ванечкой – она непременно влюбилась бы, ведь в поэзии, в прозе, в музыке только это и признавала. Но этот смешной, слишком знакомый человек – разве он мог вызвать восхищение?

Светлана тоже заметила, что племяншка, сердито прищурившись, изучает их с Ванечкой совместимость, хотя час назад обговорили то, на каком все это уровне. До любви не поднимется никогда.

«Бедная, – не в первый раз она подумала о Женьке с такой пронзительной жалостью, что сердце зашло. – Мы все время втягиваем ее в свой возраст, а ей тут скучно, неловко. По-

левой цветок с пушистой головкой среди толстокожих комнатных растений... Девчонке кислорода среди нас не хватает».

Продолжая кивать Ванечке, она поискала глазами сестру. Но первым делом увидела кота, восседавшего между белыми балясинами лестницы, ведущей на второй этаж. Маленьким Огарок прятался от гостей, забивался под диван или куда-нибудь еще, и потом приходилось искать его и вытаскивать. Но в этом доме кот почувствовал себя хозяином – его ведь пустили первым! И наблюдал за чужими людьми с презрительным спокойствием: «Вы уйдете, а я останусь».

Правда, эту уверенность Огарок обрел не сразу. В первый вечер от ужаса забился куда-то, и разыскная операция трех женщин не дала результатов. Рената решила оставить кота в покое: ночью сам выберется, все обследует, выберет себе место...

Собственно, так и произошло. Уже утром Огарок изволил позавтракать, а вечером поужинать. Уморить себя голодом кот не пытался... Проблема была в другом: он категорически отказывался сходить в лоток. Хотя Рената первым делом показала ему, где справлять свои кошачьи нужды, и даже, не жалея ногтей, поскребла, всем видом изображая неземное удовольствие. Но кот не спешил ей верить...

– Да он уже надул где-нибудь! – веселилась Женька. – По запаху найдем.

Но последствий кошачьей анархии не обнаруживалось, и

сестры заволновались всерьез. Как человек своего времени, Рената схватила гаджет и начала набирать в «Гугле»: «После переезда...»

И тут ее разобрал смех! Тыча телефоном сестре в лицо, она стонала от смеха:

– Ты посмотри, посмотри! Какой перечень высветился: кот не ест, кот не пьет, кот не ходит в лоток, кот гадит где попало... И все только про котов!

– Земля вращается не вокруг солнца, а вокруг котика, – подхватила Светлана. – Просто на него больно смотреть, и мы не можем разглядеть ни ушей, ни усов.

Просмеявшись, Рената вычитала на одном из «звериных» сайтов, что кот может протерпеть четыре дня, и успокоилась, ведь прошло только три. Ее расслабленность теплой волной прошла по дому, вымыла кота из-под кресла и донесла до лотка, в который он тут же благополучно и сходил.

Это грандиозное событие девицы Косаревы отметили бурно, открыв бутылку шампанского, припасенного к новоселью. Но облегчение Огарка они дружно признали более важным.

Коту бокал не предложили, поэтому он гордо прошествовал назад к креслу, но больше не стал прятаться под ним. Отныне и навечно это был его трон и его кошачье царство.

Светлана еле отыскала взглядом сестру с Родионом. Они забились в темный угол и зыбко покачивались там двумя распушеванными тенями. Когда-то они имели четкие контуры,

потому что отношения их были определены и понятны обоим. А теперь все расплылось, потеряло очертания, и лишь из-за того, что Рената страдала паническим страхом перед протяженностью отношений. Это своего рода клаустрофобия: боязнь пространства, замкнутого в одном человеке.

Или ей просто не встретился человек, несущий в себе безграничность, какую сама Светлана почувствовала в Петре, когда еще даже не его самого, а картины его увидела? Увидела то, что могла бы нарисовать сама, если б умела. В этих полотнах был тот же дух, наполнявший и ее книги того времени. Такой же воздух, те же прозрачные краски.

Светлана писала так до того дня, когда Петю убили и с ним кончилось все. Слова кончились, мысли. Она разом перестала и видеть, и чувствовать, и думать разучилась, только сюжеты сколачивать еще было под силу. Что-то и в ней самой не то чтобы умерло, а словно пересохло: русло осталось, но наполнить его было нечем.

Ее не оставляло ощущение, будто все вокруг ждали, что трагедия ее выплеснется новыми страницами, как у Лиснянской². А ей не писалось. Совсем. И Светлана никому не могла объяснить (да и не бралась!), что это любовь билась в крови особыми, только *ее* словами. При жизни Петр щедро раздавал себя ее героям: одному – ночной шепот, другому – дневные причуды, третьему...

² Инна Львовна Лиснянская (24 июня 1928, Баку – 12 марта 2014) – русская поэтесса и прозаик.

Когда его не стало, Светланино воображение обезлюдело. Герои ее детективов людьми не были, их не нужно было рожать в муках и радости. Сплошные картонные, шаржированные муляжи. Но этот жанр и не требовал большего. Светлана вопрошала с горечью: «Как их можно читать? Почему *это* продается такими гигантскими тиражами? Мои книги так не продавались. Вообще почти не продавались. При нашей с Петей жизни. Как несправедливо. Как глупо...»

Теперь вокруг плескалась пустота, мешала дышать, проникала внутрь. Светлана хваталась за плечи, щипала кожу, проверяя, не исчезла ли сама, не поглотила ли и ее эта бездна пустоты, втянувшая Петю, не отдавшая его, как она ни просила...

Остывшая мастерская потерянно смотрела неоконченными портретами, в том числе и ее – первым и единственным. Над ним Петр работал неторопливо, так наивно уверенный, что они будут жить долго и счастливо... Как посмела она не умереть в один день с ним?! Удержалась на жажде мести, похожей на изжогу, – так же подступала к горлу, требуя крови вместо соды.

А потом оказалось – момент упущен, что-то другое уже держит на этом свете: подросшая племянница, чудесная девочка с пушистыми волосами и глазами олененка, вбежавшего в город; безумная мечта сестры о большом красивом доме для всех, осуществить которую, как выяснилось, без Светланы ей не под силу. И она почувствовала себя обязан-

ной помочь им, спасти родных, раз не смогла спасти любимого.

Тем более это было несложно. Читатели детективов не требовали подбирать особую, именно для этой книги, мелодику языка, можно было писать по одной схеме, не задумываясь, как сочетаются слова и сочетаются ли вообще. Все принималось, все проходило...

Светлану передергивало от собственной униженности: это же все равно что заниматься проституцией, пережив великую любовь. И цель была та же, и оправдания, как у падших женщин Достоевского: «Я же не для себя стараюсь...»

Одно утешало: издательство сразу предложило ей взять псевдоним, своего имени она не замарала. Теперь, когда Светлана отстранилась, за Татьяну Днепрову, пыхтя от усталости, строчит целая группа товарищей, изо дня в день откалывая по кусочку от своего таланта и меняя эти драгоценные крохи на золотые монеты.

«Кому он поет эту песню? – чуть улыбаясь Ванечке, подумала она с раздражением. – Той меня давно нет, и ей уже не возродиться. А может, той дамы и не было во мне, такая удержала бы себя на пьедестале. Я и не стояла на нем никогда...»

Погладив ее по плечу, мимо скользнула Рената, до блеска в глазах упивающаяся восторгами тех, у кого не было старшей сестры, способной заложить свою душу. Светлана повернулась, успела взглядом схватить тонкость профиля:

«Господи, вот же красавица!» Это подумалось отстраненно, не по-родственному.

Рената была бы рада услышать это, она тоже порядком выдохлась за годы Больших Накоплений. Ноги сбила, бегая по городу за клиентами, телефон из рук не выпускала, даже в ванную с собой брала, за обедом рядом с тарелкой клала. Светлана готовила эти обеды на всех с радостью: хоть на час оторваться от этих чертовых кровавых рукописей! Она называла себя ходячей газовой камерой: «Во мне сейчас целые горы посиневших трупов. Вот что необходимо для высшей цели!»

А цель и вправду была неплохой. Светлана незаметно обвела взглядом золотистые стены гостиной, на которых будто осела солнечная пыльца. Рената растолковала, что в народе такие обои называют «под фетр», их не каждый может себе позволить. Старшей сестре досталась зеленая спальня с растительным орнаментом, она мрачно пошутила: «Чтобы глаз отдыхал после моря крови».

Рената влюбилась в персикового цвета будуар, а в комнате, которую выбрала Женька, стены были покрыты маленькими черными иероглифами, а оба окна закрывались занавесями из бамбука. Едва ступив на порог, племянница шаловливо оттянула внешние уголки глаз:

– Японский стиль!

– Япона мама, – пробормотала Светлана, но оценила минимализм обстановки: много света и почти никакой мебели,

только раздвижной зеркальный шкаф, низкая кушетка с ортопедическим матрасом и небольшой компьютерный столик у окна.

Правда, самого компьютера не было, и это огорчило Женьку, но Светлана призвала ее:

– Не зажирайся, малыш! Они и так ушли отсюда, считай, с пустыми руками.

– Они могли запросить в два раза больше, учитывая все это! – Рената прыгала по кухне, как девочка, оглаживая большой холодильник, микроволновку, керамическую плиту с большой духовкой.

Светлана настороженно заметила:

– Это и удивляет.

Но сестра ее не услышала.

Она вообще ничего не желала слышать о каких-либо странностях этого дома, вернее, его бывших хозяев. Мало ли на что могли срочно понадобиться деньги, вот и продали половину дома. А других покупателей Рената сама отсекала, так что цена и не могла подскочить, да и установила ее коллега по минимуму. По ее же просьбе, разумеется.

В том, что бывшие хозяева знакомиться не желают, Рената тоже не видела ничего противоестественного: когда у людей финансовые проблемы, им не особенно приятно общаться с теми, кто в курсе...

– Я-то этих всех созвала потому, что мы свои уже решили, – счастливо улыбаясь, сказала она о сегодняшних гостях.

– Как хочешь, малыш, – привычно отозвалась Светлана. –
Лишь бы тебе хорошо было.

Глава 6

Волосы взлетели темным вихрем – так стремительно Рената обернулась на голос, спросивший на ухо:

– А у этого Ванечки есть диск или кассета с его песнями?

– Ты опять тут! – Она кончиками пальцев толкнула Родиона в грудь. – Я же тебя в гостиной оставила.

– А мне захотелось взглянуть на вашу кухню.

– Посмотрел?

– Мне выйти? Ты собиралась тут выпить в одиночестве?

Она холодно смерила его взглядом:

– Я не знаю, что такое одиночество. У меня есть дочь. И сестра. И целая куча друзей. Иной раз думаю: просеять бы эту кучу...

– Меня ты уже отсеяла?

– Ты такой крупный, – усмехнулась Рената. – Тебя я просто...

Запнувшись, она наспех заменила одно слово другим:

– Переложил на другое место.

Но Родион хорошо помнил ее манеру выражаться:

– Выбросила, ты хотела сказать. Ну, не смущайся, я ж это знал.

Он внимательно огляделся: все в этом доме second hand, но смотрится неплохо. Рената радуется как ребенок, глаза сияют, даже волосы выются больше обычного, не стоит гово-

ритель ей гадости.

– Так что ты здесь делаешь? Твое место среди гостей. Там ты просто захлебываешься их завистью и бессовестно хорошеешь!

– Глупости! Ты назло всегда говоришь глупости, чтобы я позлилась. Почему это тебе так нравится, а? Кстати, я что-то не припомню, чтобы приглашала тебя.

– Меня твоя сестра пригласила. Что такое у нас с бровками? Да, мы перезваниваемся. Ты не знала?

Родион улыбнулся, подначивая ее сбегать и спросить у Светланы, хотя ясно было, что она этого не сделает. Пока не сделает.

– Ты смело мог бы отказаться.

– С какой стати? Я человек ленивый, но любопытный... – Подождав ее отклика, он пояснил: – Это я Пушкина оспариваю. Но ты этого не читала, наверное.

Шлепнув его ладонью, Рената с удивлением прислушалась к тому, как в груди что-то отозвалось на это короткое прикосновение:

– С литературными спорами катись к Светке! Ей это в радость.

– А тебе что в радость? – тут же уцепился он. – Информация о квадратных метрах? Выставка риелторских бюллетеней? Что тебе нужно, а? Теперь, когда у тебя есть этот дом?

У Ренаты на миг перехватило дыхание: «А правда... Что теперь?»

– Теперь я буду просто наслаждаться жизнью, – ответила она неуверенно и тотчас поняла, что Родион уловил, как все в ней обмякло. Не от страха перед будущим, а оттого, что оно не виделось...

Он улыбнулся ей, как глупившему ребенку:

– А ты умеешь? Старый вояка...

– Замолчи!

Это прозвучало громче, чем ей хотелось, и отозвалось волной раздражения, как подземный толчок вызывает к жизни цунами. Пытаясь удержать его, Рената процедила сквозь зубы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.